

© 1996 г., ЭО, № 2

И. М. Дьяконов. Пути истории. От древнейшего человека до настоящих дней. М., 1994, 384 с.

И. М. Дьяконов, один из крупнейших отечественных историков, известный своими фундаментальными трудами по истории Древнего Востока, на сей раз взялся за написание очерка всемирной истории в одном томе: в книге 24 печатных листа. Малые тиражи научных книг стали притчей во языцех, но нельзя еще раз не выразить сожаление, что тираж этой книги всего 3 тыс. экз., так как она представляет собой, помимо всего прочего, неоценимое пособие для изучающего историю, и прежде всего для студентов вузов. Только ученый такого калибра как И. М. Дьяконов мог изложить в столь сжатой форме все основные события средневековой, новой и новейшей истории. Пожалуй, человеку, не собирающемуся стать историком-профессионалом, больше, чем сказано в этой книге, знать и не нужно: все существенное в ней поместилось. К сожалению, древняя история, в которой автор наиболее компетентен, изложена им уж чрезмерно сжато: она заканчивается на 64-й странице книги. И все равно вряд ли кто-либо, кроме И. М. Дьяконова, смог бы уместить в столь малом объеме такую массу тщательно отобранной, наиболее существенной информации. Уже одним этим книга приобретает высокую ценность.

Однако И. М. Дьяконов писал не учебник для студентов вузов. Он ставит своей задачей дать новую концепцию истории человечества, охарактеризовать те основные фазы истории, через которые исторический процесс закономерно и неотвратно проходит во всем мире. Фазы истории — вещь известная. Мы все проходили их в школе, и в наших учебниках они назывались общественно-экономическими формациями. Их было пять: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и никем не виданная коммунистическая (правда, считалось, что в начальную фазу этой формации мы в СССР уже вступили). Реально, конечно, наблюдению и описанию поддавались только первые четыре. Не место здесь обсуждать, почему для кредо марксизма-ленинизма их должно было быть именно пять, и только пять; почему каленым железом идеологического надзора выжигались постоянные попытки протащить в святую «пятичленку» шестую формацию — «азиатский способ производства». Видимо, логика этого упорства лежала в той же плоскости, что и логика знававшего еще больше каленого железа спора о том, два или три перста должны быть в крестном знамении. Этнологам и историкам первобытности удалось найти понятие и термин «раннеклассовое общество», который не претендовал на ранг отдельной формации, а стало быть, не вызывал гнева у идеологических надсмотрщиков. Для практических же целей этнологии, во всяком случае, он был вполне операционален.

И. М. Дьяконов доказывает, что исторических фаз развития было не четыре, не пять и даже не шесть, а восемь: первобытная, первобытнообщинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, абсолютистская постсредневековая фаза, капитализм и посткапитализм.

В конце предисловия И. М. Дьяконов просит прощения у читателя «за неизбежные мелкие, а может быть, и крупные ошибки». Действительно, некоторые ошибки в работе такого масштаба и замысла и в самом деле неизбежны. В книге они есть, и их довольно много. Несколько из них я позволю себе привести в качестве примера. Так, на стр. 149 упоминается «один из индейских диалектов, тупи-гуарани». На самом деле тупи-гуарани не диалект, а языковая семья, включающая язык гуарани со многими диалектами и ряд языков тупи. На стр. 201 написано, что «китайские корабли посещают Южные моря, Цейлон, быть может, Индийский океан». На самом деле достоверно известно, что китайские корабли доплывали до Восточной Африки, но даже и без этого они не могли не бывать в Индийском океане, ибо Цейлон именно им и омывается.

В примечаниях на стр. 366 написано, что китайское Жибэнь-го — одно из названий Японии наряду с более обычным Нихон-го, Ниппон. На самом деле Нихон и Ниппон суть варианты японского произношения китайского названия Жибэнь, принятого японцами как самоназвание. Нихон-го значит «японский язык», а «страна Япония», т. е. Жибэнь-го, по-японски Ниппон-коку. На этой же странице читаем, что в лингвистике термин «креоль» означает людей, говорящих на особом языке, характерном для муглатов или родившихся в Америке негров. В действительности креольскими языками называют пиджины, ставшие единственным языком общения в семье, усваиваемым с рождения. Тем самым они

перестают быть пиджинами и начинают развиваться как естественные языки. Такие примеры можно умножить многократно, однако, хотя я и не могу судить, мелкие это ошибки или крупные, во всяком случае, для логики хода собственно исторических рассуждений автора они никакой роли не играют.

Новая книга И. М. Дьяконова написана с той же четкостью, ясностью, логичностью и последовательностью, которая нам хорошо знакома по его предыдущим трудам, носившим не столь обобщающий характер. Во введении он обосновывает тезис о том, что марксистская теория исторического процесса безнадежно устарела, что рабовладельческая формация не была рабовладельческой, а феодальная не была феодальной, ибо феодал отнюдь не имел общемирового распространения. Неудачным считает И. М. Дьяконов и обозначение современного общества как капиталистического, ибо и капиталисты, и пролетарии в нем находятся в меньшинстве.

Не будем спорить о названиях формаций. Они могут быть более или менее удачны, но в конце концов они условны. Любое отдельное слово или словосочетание способно раскрыть сложную, многогранную сущность формации не намного лучше, чем выражение формация один, формация два и т. д. И. М. Дьяконов выделил восемь фаз, сгруппированных попарно (и это важнейшее его нововведение): первобытная фаза и первобытнообщинная фаза, ранняя древность и имперская древность, средневековье и стабильно-абсолютистское постсредневековье (это самое длинное название, и автор подробно объясняет, почему он остановился на нем), капитализм и посткапитализм.

Я не буду пересказывать признаки и критерии выделения каждой фазы; для этого пришлось бы пересказать значительную часть книги. Но знакомство с хронологией и с характеристикой этих четырех пар фаз не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело все с той же так хорошо нам знакомой «пятичленной», точнее, «четырёхчленной», ибо никем и нигде не виданная, утопически-фантастическая, коммунистическая формация (которая давно уже трактовалась как пара «социализм и полный коммунизм») просто отброшена. Можно было бы назвать эти фазы ранней и поздней первобытностью, ранним и поздним рабовладением, ранним и поздним феодализмом, ранним и поздним капитализмом. А можно было бы сказать: первобытность и постпервобытность, древность и постдревность, средневековье и постсредневековье, модерн и постмодерн. Дело не в названии, а в содержании и его истолковании. Из дьяконовских терминов, пожалуй, наиболее неудачно противопоставление первобытной и первобытнообщинной фазы, поскольку любая вторая фаза уже не первобытная, а, кроме того, община существовала даже в эпоху глубокой первобытности.

Вторая фаза первобытности, по И. М. Дьяконову, так, как он ее трактует, т. е. на уровне образования «чифдомов» (почему-то автор не употребляет вполне устоявшегося в нашей литературе термина «вождество»), это время распада первобытнообщинного строя, перехода к протогосударствам. Третья фаза, древность, охватывает в целом то, что в отечественной исторической и этнологической науке в последние десятилетия устойчиво именовалось раннеклассовым обществом. Четвертая же фаза, «имперская древность», характеризуемая помимо наличия рабов в полном смысле слова еще и наличием даже более обширного круга подневольных «илотов», а с другой стороны, сохранением лично свободного крестьянства, в общем вполне соответствует старомодному «рабовладельческому строю». Другое дело, что даже в малом объеме нескольких десятков страниц И. М. Дьяконову удастся продемонстрировать как общие фазовые черты и характер фазового перехода от ранней древности к «имперской», представляющей революцию сверху, так и важные локальные специфики: застойность египетского общества, роль пережитков полисной структуры в римско-греческой античности, индийскую, китайскую специфику, наконец, принадлежность к фазе имперской древности Японии нарского периода (быстро перешедшей в средневековье в силу континентального воздействия). Все это, безусловно, нетривиально и существенно помогает представить как данную эпоху или этап исторического развития в целом, так и конкретное своеобразие, которым это развитие отличалось в каждом крупном регионе древнего мира.

Переходя к средневековью, которое рассмотрено очень подробно (стр. 65—151), И. М. Дьяконов дает важные его диагностические признаки: отказ от терпимости, характерной для античности, и переход к догматической религиозности, монополизация оружия господствующим классом, эксплуатация крестьянства. Кстати сказать, догматизм и нетерпимость были не вездесущи.

Начало эпохи средневековья датируется в Европе III—V вв., в Китае — I в., в Японии — IX в. и т. д. Любопытно, что специфику развития стран Северной Европы И. М. Дьяконов решает как переход от ранней древности, минуя имперскую древность, к средневековью, считая, например, что ранняя древность царяла в Англии вплоть до Вильгельма Завоевателя.

Особый интерес представляет анализ процессов развития, происходивших в Америке. До Колумба население Америки принадлежало по развитию к первой либо второй фазе, цивилизации ацтеков и майя. И. М. Дьяконов рассматривает как переход к третьей фазе (ранней древности) и как полностью третью

фазу признает только цивилизацию инков (напомним, что к третьей фазе принадлежат и крито-микенская цивилизация, и Англия X—XI вв.).

Европейские колонизаторы не в колониях, а у себя дома принадлежали к пятой фазе и начинали переход к шестой (абсолютизму). Означало ли завоевание Америки фазовый скачок? Нет, отвечает автор, общество пятой и шестой фазы установилось только там, где, как на востоке США, местное население было почти уничтожено, а на оставшихся землях поселились чистым массивом колонисты. В Латинской же Америке колониальное общество только продолжало жить в третьей фазе. Империя Новой Испании напоминает античные империи четвертой фазы (как и Бразильская империя), а революция Боливара и других прогрессивных креолов, несмотря на идеи, вдохновлявшие ее, дала в результате лишь формально «республики», на деле же это было подобие средневековых королевств седьмой фазы, вечно воюющих между собой.

Правда, бразильскую революцию 1889 г. автор считает переходом от четвертой фазы (имперской древности) к эмбриональной седьмой (капиталистической) (с. 150). Это плохо согласуется с тезисом (с. 270), «что спонтанный переход через фазу возможен только при господстве фазы высшей и после длительных ... контактов между обществами двух фаз». Вряд ли это относится к Бразилии конца XIX в. Впрочем, ответить на этот вопрос может только глубокое конкретное исследование истории и экономики Бразилии XIX в.

События XX в. рассмотрены в книге, пожалуй, излишне подробно (с. 231—240, не считая главы о восьмой фазе, т. е. о нашем времени, конце XX в.). Здесь, как и ранее, автор обосновывает очень важный тезис: стабильностью, благоприятными условиями для развития высокой культуры, для накопления цивилизационного потенциала обладают главным образом общества (или формации) четных фаз. Нечетные фазы, напротив, характеризуются нестабильностью, общественным брожением и тают в себе повышенную опасность впадения в застой, в авантюру, в боковые, искаженные, тупиковые колеи общественного развития. К последним относятся тоталитарные общества эпохи капитализма: гитлеровская Германия, СССР и другие коммунистические страны. Нацизм и коммунизм не могли вывести общество в новую, 8-ю фазу. «Это смогла сделать третья альтернативная идеология — учение о правах личности» (с. 341). «На 1990 г. восьмая фаза установилась во всех странах Западной и Северной Европы, в США и в Канаде, в Израиле, в Японии, в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге, в Сингапуре, в ЮАР и, видимо, в Таиланде. Неясно, произошел ли фазовый переход в некоторых латиноамериканских странах» (с. 339).

Прямо скажем, такой беспредельно авторитарный режим, как сингапурский или в ЮАР 1990 г. да и нынешний, трудно рассматривать как образцы торжества прав и достоинства личности. Но это, в конце концов, детали. Важно то, что восьмая фаза непременно наступит и на территории бывшего СССР, и в Китае. Но процесс перехода к посткапитализму обещает быть долгим и мучительным (с. 346). С этим нельзя не согласиться.

Нет возможности детально рассматривать характеристики общих механизмов фазовых переходов, которые разбросаны по разным местам книги и, несомненно, имеют большую познавательную ценность. Отметим только, что И. М. Дьяконов отрицает как необходимость революции при переходе от одной фазы к другой, так и диалектическую борьбу противоположностей как побудительную силу фазового перехода. Если то и другое рассматривать исключительно как конфликт угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, то он, несомненно, прав. Но Великая французская революция — не единственный возможный тип революции. И освободительные войны, и завоевания (особенно поддержанные большей частью местного угнетенного населения), и борьба «аристократических» и «демократических» племен и общин (примеры известны на материале Кавказа, Бирмы и других стран), и многие другие формы весьма кровопролитных конфликтов, а иногда и относительно бескровных реформы тоже по существу могут носить и несут революционный характер. «Чтобы народные массы устремились на создание новой системы производственных отношений, нужно, чтобы их социально-психологические ценности превратились в антиценности, а антиценности — в ценности» (с. 9). Это абсолютно верно, но что же это, если не диалектическая борьба противоречий в самом чистом виде?

Что же из всего этого следует? По-моему (и прочтение всей книги в этом убеждает), из этого следует, во-первых, то, что марксистская философия истории, даже в том искаленном виде, в каком нам ее преподавали, не была фикцией, вздором, бредом или чем-то еще в этом роде. Неполно, в чем-то искаженно, туповато политизированно и идеологизированно, тем не менее в основных своих чертах она отражала главные тенденции и фазы реального исторического процесса. Тем более она имела самостоятельное научное содержание в трудах западных марксистов, над которыми не довели указующий перст, кнут и окрик полуграмотных цековских боссов. Во-вторых, И. М. Дьяконов ошибается, если он

думает, что он опроверг, отменил или заменил марксистскую теорию формаций. На самом деле он ее существенно дополнил, развил, углубил, привнес в нее ряд моментов нового развернутого истолкования. На старые формационные категории, не отбрасывая их, мы можем теперь благодаря его труду взглянуть по-новому, увидеть новые закономерности, не отменяющие старых, а дополняющие их. Наше понимание истории останется пониманием ее как эволюционно-революционного, диалектического, формационно расчлененного процесса, но становится более глубоким пониманием. И в этом большая ценность блестяще написанного, с неотрывным интересом читающегося нового труда И. М. Дьяконова.

С. А. Арутюнов

* * *

Книга известного исследователя Древнего Востока, историка и филолога И. М. Дьяконова «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» является работой не столько исторической, сколько историософской. В ней, как говорится в аннотации, дается изложение «новой концепции хода исторического процесса, радикально отличающейся от марксистской» (с. 2). И поэтому оставить этот труд без рассмотрения просто невозможно.

Книга начинается с заявления, что «марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела — и не только из-за теоретической слабости коммунистической посылки, но и вследствие других как теоретических, так и чисто прагматических неточностей и ошибок» (с. 7). Далее сразу же следует пример. Марксизм настаивал на том, что общество Древнего Востока было рабовладельческим. Но, как пишет И. М. Дьяконов, советским историкам древнего мира уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 60-х годов стало ясно, что древнее общество рабовладельческим не являлось (с. 7).

И сразу же возникает несколько вопросов. Знает ли И. М. Дьяконов, что основоположники материалистического понимания истории — К. Маркс и Ф. Энгельс не считали древневосточное общество рабовладельческим? По их мнению, там господствовал не рабовладельческий, а иной способ производства, который они называли азиатским. Таким образом, представление о древневосточном обществе как рабовладельческом не вытекает из сущности материалистического понимания истории. Оно является всего-навсего лишь взглядом некоторого числа людей, объявлявших себя марксистами. Другое дело, что эта точка зрения стала в свое время официальной и обязательной для всех советских и не только советских исследователей. Но это не меняет сути дела. Далее. Известно ли И. М. Дьяконову, что в 60-х годах именно марксисты, причем прежде всего философы, выступили с резкой критикой взгляда на древневосточные общества как на рабовладельческие? Их поддержали некоторые историки, в том числе и востоковеды, тоже придерживавшиеся марксизма.

В дискуссии, которая продолжалась несколько лет, принял участие и И. М. Дьяконов. И какую же позицию занял человек, которому было ясно, что общество Древнего Востока не являлось рабовладельческим? И. М. Дьяконов после некоторых колебаний, выразившихся в частности в том, что в ряде работ он вместо рабовладельческого способа производства стал говорить просто о древнем, самым решительным образом выступил в защиту тезиса о принадлежности древневосточных обществ к рабовладельческой формации. Вышедший в 1983 г. под его редакцией первый том «Истории Древнего Востока» был демонстративно назван: «Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия». И во введении к этому тому, носящему название «От редколлегии», было в самой категорической форме заявлено, что древневосточное общество является рабовладельческим и никаким другим¹. И в других работах 70—80-х годов И. М. Дьяконов, вступая в явное противоречие с фактами, отстаивал концепцию рабовладельческого характера стран Древнего Востока².

И при этом И. М. Дьяконов был совсем не одинок. В защиту официальной точки зрения выступили такие видные востоковеды, как академик И. Н. Конрад, академик М. А. Коростовцев, доктора наук Г. Ф. Ильин, И. Я. Златкин, А. Г. Крымов, В. Н. Никифоров, античники М. М. Слонимский и В. Д. Неронова и еще целый ряд исследователей³. Согласно И. М. Дьяконову, всем им было ясно, что древневосточное общество не было рабовладельческим. Спрашивается, чем же объяснить такую их позицию? Нельзя сказать, что они выступали за страх, хотя может быть и не всегда за совесть. Именно на их авторитет ссылались наши идеологические вожди, запрещая после нескольких лет относительной свободы публикацию работ, авторы которых выступали с критикой официальной точки зрения.

Но если раньше И. М. Дьяконов полагал, что не только античное, но и древневосточное общество является рабовладельческим, то теперь у него прямо противоположная точка зрения: рабовладельческой формации вообще нигде и никогда не существовало. От этого понятия нужно раз и навсегда отказаться, даже применительно к античному обществу, хотя в его развитии и были периоды, когда рабы играли ведущую роль в производстве (с. 7). Раньше И. М. Дьяконов пытался, хотя и крайне неудачно, критиковать понятия азиатского способа производства и азиатской формации. Теперь он делает вид, что таких понятий вообще не существует. Но отвергать понятие азиатского способа производства — значит ничего не понимать в природе древневосточного общества. Приписывая К. Марксу введение понятия «феодализм», что совершенно неверно, ибо оно возникло задолго до его рождения, И. М. Дьяконов предлагает отказаться от понятия не только рабовладельческой, но и феодальной формации (с. 7).

На примере работ И. М. Дьяконова наглядно можно видеть, что знать и понимать историю — это далеко не одно и то же. Знание, причем огромное, обществ Древнего Востока у него, несомненно, имеется, а с пониманием их природы, а тем самым и их истории обстоит гораздо хуже.

В предисловии к книге И. М. Дьяконов пишет, что он не считает себя специалистом по истории средних веков и нового времени. Но, как сам автор полагает, он профессионально знает историю, не только всю древнюю, но и первобытную. К сожалению, все, что сказано им о первобытности очень далеко от действительности.

Не только разобрать, но даже перечислить все ошибки невозможно, ибо это потребовало бы слишком много места. Ограничимся несколькими примерами. Как утверждает И. М. Дьяконов, архантроп, которого он почему-то называет и *Homo sapiens erectus*, жил примерно 500—200 тыс. лет назад. В это же время существовали австралопитеки (с. 356). В действительности архантропы появились самое малое 1,6 млн. лет тому назад. Австралопитеки возникли во всяком случае не позднее 3,5 млн. лет, возможно даже 5—6 млн. лет назад. Самые поздние их находки датируются 1—1,5 млн. лет назад.

«Канонизация книги Энгельса, — пишет автор, — привела к тому, что советская этнография лишь повторяла зады уже преодоленного этапа в изучении первобытности. Совершенно превратным является представление Энгельса о периоде „дикости“, в котором человек якобы проходит через стадию промискуитета (беспорядочных половых отношений), через стадию группового брака к стадии парного брака. Промискуитет не наблюдался не только в человеческих обществах, но даже у высших обезьян...» (с. 16—17). Видимо, автор несколько отстал от развития науки. Советские этнографы давно уже отказались от канонизации книги Энгельса. При этом большинство из них, следуя за западной наукой, отвергает и промискуитет и групповой брак, с чем я сам, кстати, совершенно не согласен. Современные данные этнографии, по моему мнению, не только не опровергают, но, наоборот, подтверждают правильность идеи об эволюции от промискуитета через групповой брак к индивидуальному. Что же касается высших обезьян, то в настоящее время западные исследователи характеризуют отношения между полами у наших ближайших родственников — гориллы и шимпанзе как «промискуитетные».

В развитии общества, которое принято называть первобытным, И. М. Дьяконов выделяет две фазы: первобытную и первобытнообщинную. В какой-то степени это совпадает с распространенным сейчас в нашей науке подразделением этого периода на стадию собственно первобытного общества и стадию предклассового общества, т. е. переходного от собственно первобытного общества к обществу классовому. Но только лишь в какой-то степени. Для первобытной фазы, по Дьяконову, характерны охота и собирательство. К ней он относит аборигенов Австралии и многие другие народы. Группы австралийцев он отказывается считать общинами по причине их крайне малого размера (5—20 человек) (с. 15—16, 19). В действительности локальные группы австралийцев могли состоять из 40, а иногда из 100 и даже 300 человек. Но последнее — редчайший случай. Средний размер локальных групп аборигенов Австралии — 25 человек. И никто из исследователей не сомневается, что они были первобытными общинами в точном смысле этого слова.

С переходом к скотоводству и земледелию, по Дьяконову, происходит изменение структуры общества: возникают общины и в них выделяются вожди и дружинники. Такие общества в англоязычной литературе принято именовать *chiefdom*. В этих обществах есть привилегированный социальный слой, но нет эксплуатируемого производящего класса (с. 19, 24).

В предклассовом обществе, действительно, возникают образования, которые получили название *чифдом*, что можно перевести на русский язык как вождество. Но не всякое общество, где существует вождь, является вождеством. Не являются вождествами племена ирокезов, хотя вожди там были. Вождествами являются только такие общества, где существуют особого рода социально-экономические отношения, предполагающие эксплуатацию одной небольшой группой людей всех остальных. Здесь мы

сталкиваемся с зачаточной формой того способа производства, который принято именовать азиатским⁴. Вожди в вождествах, конечно, были, но ни один исследователь никогда не писал о существовании в них дружин и дружинников. И. М. Дьяконов попутно замечает, что не все чифдомы были демократическими. В действительности ни одно вождество не было и не могло быть демократическим. Вождества являются очень поздней и не единственной формой общества на предклассовой стадии. На ней уже возникли и существовали самые различные формы эксплуатации, в частности рабство⁵.

И переход от собственно первобытного общества к предклассовому не связан жестко с возникновением скотоводства и земледелия. Этнографии известны общества, где уже существовало земледелие, но в которых господствовали первобытно-коммунистические отношения. С другой стороны, зафиксировано большое число обществ с присваивающим хозяйством, в которых существовало рабство и другие формы эксплуатации. И. М. Дьяконов безоговорочно относит всех обитателей приполярных и таежных областей Евразии и Америки к первобытной фазе (с. 16). Но у эскимосов Аляски, например, были рабы. У некоторых народов, живших охотой, рыболовством и собирательством, были обнаружены даже настоящие вождества.

Не знает автор, например, и того, что никаких вождеств ни на о-вах Самоа, ни у маори Новой Зеландии, ни у ирокезов, ни у дакота, ни у хопи не было, что у майя и ацтеков существовала подлинная цивилизация, настоящее классовое общество такого же типа, что и на Древнем Востоке (с. 24—25). Вопреки его утверждению, что развитие земледелия базируется на освоении металла (с. 25), известно множество земледельческих обществ, которые жили в каменном веке. Не знали производства известного использования металла все классические цивилизации Мезоамерики, включая ольмексов, майя, общество Теотикуакана.

Не буду касаться разделов, в которых сам И. М. Дьяконов не считает себя специалистом. Отмечу лишь, что ошибок здесь бесчисленное количество. Беру наугад одну страницу. Автор пишет, например, что российский линкор «Императрица Мария» перевернулся незадолго до войны и причиной катастрофы была неосторожность его матросов (с. 373). В действительности взрыв произошел в октябре 1916 г. и, как теперь совершенно точно установлено, явился результатом диверсии, совершенной агентами германской разведки.

Обратимся к концепции истории, которая излагается в книге. В противовес официальной пятичленной схеме смены формаций И. М. Дьяконов выдвигает свою схему восьми фаз исторического развития. Эти фазы: первобытная, первобытнообщинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, стабильно-абсолютистское постсредневековье, капиталистическая, посткапиталистическая.

Если формации в марксистской схеме были выделены по единому признаку, то иначе обстоит дело у И. М. Дьяконова. Первая фаза отделена от второй по признаку формы хозяйства, вторая от третьей — по признаку отсутствия и наличия эксплуатации, третья от четвертой — по признаку отсутствия или наличия империй, наконец, «первым диагностическим признаком пятой, средневековой фазы исторического процесса является превращение этических норм в догматические и прозелитические» (с. 18, 26, 27, 44—47, 51, 69—70) и т. д. И. М. Дьяконов непрерывно меняет критерий выделения фаз. В результате членение на фазы носит чисто произвольный характер. Применяя подобного рода метод, можно выделить три фазы, а можно и пятьдесят. Все зависит от желания человека, который этим занимается.

Нелогичность пронизывает всю книгу. Так, с одной стороны, И. М. Дьяконов видит важнейший, коренной недостаток всех существующих концепций исторического развития в том, что они построены на идее прогресса (с. 10), а с другой, сам же выделяет восемь стадий поступательного движения истории.

Но самое главное, отбрасывая то положительное, что есть даже в официальной марксистской схеме, не говоря уже о той, что была создана самим К. Марксом, И. М. Дьяконов не только принимает, но доводит до абсурда один существеннейший недостаток, присущий в одинаковой степени как той, так и другой.

В созданной К. Марксом схеме всемирно-исторического процесса фигурирует человеческое общество вообще, стадиями развития которого являются общественно-экономические формации: первобытно-коммунистическое общество вообще, азиатское общество вообще, рабовладельческое общество вообще, феодальное общество вообще, капиталистическое общество вообще. Но в реальности существует человеческое общество в целом, которое на любом этапе своего развития состояло из множества конкретных отдельных обществ, которые я предпочитаю именовать социально-историческими организмами, сокращенно *социорами*.

И важнейший вопрос состоит в том, как схема, претендующая на то, что она воспроизводит объективную необходимость развития человеческого общества в целом, т. е. всех существовавших и существующих социально-исторических организмов, реализуется в истории. Представляет ли она собой

идеальную модель развития каждого социально-исторического организма, взятого в отдельности или же только их всех вместе взятых?

Вследствие того, что в марксистской теории не было понятия социально-исторического организма, в сколько-нибудь четкой форме этот вопрос в ней не ставился. Но если он теоретически не ставился, то практически все же решался. Практически считалось, что марксова схема развития и смены общественно-экономических формаций должна была реализовываться в эволюции каждого отдельного конкретного общества, т. е. каждого социально-исторического организма. В результате всемирная история представляла как совокупность развития множества изначально существовавших социально-исторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические формации.

Такое представление находилось в разительном противоречии с фактами. Оно опровергалось всеми данными исторической науки. Какая-то видимость соответствия такой интерпретации марксистской схемы смены формаций действительности достигалась тем, что ее сторонники говорили не о социально-исторических организмах (как уже указывалось, это понятие в марксистской теории отсутствовало), а об обществах, — причем без раскрытия значения этого слова, — народах, регионах, областях и т. п. Но и это, в конце концов, не могло спасти положения. Ошибочность такого представления об истории становилась более и более ясной. Все это давало противникам марксизма серьезное основание для того, чтобы объявить материалистическое понимание истории чисто умозрительной схемой, не имеющей никакого отношения к исторической реальности. Поэтому давно уже является насущной необходимостью отказ от такой интерпретации схемы смены общественно-экономических формаций и замены ее категорически иной.

И в таких условиях И. М. Дьяконов предлагает и отстаивает именно подобного же рода понимание исторического процесса. Все страны, все зоны, все регионы развиваются одинаково и проходят одни и те же стадии развития. «Единство закономерностей исторического процесса, — пишет И. М. Дьяконов, — явствует из того, что они равно прослеживаются как в Европе, так и на противоположном конце Евразии — в почти изолированной островной Японии... и даже Южной Америке» (с. 14).

Приведем еще две цитаты. Первая: «Мы будем считать „средневековым“ в Европе период от III—V вв. н. э., в Китае от IV в. н. э., в Японии с IX в. н. э. (в других регионах соответственно в пределах своих особых сроков)» (с. 71). Вторая: «Фаза капитализма впервые наступает в странах Западной Европы и в Северной Америке. Все остальные страны мира, кроме Японии, не успели пройти до седьмой фазы и в начале — середине XIX в. все еще находились в шестой, а то и в пятой фазе. Это означало не абсолютную отсталость этих обществ, а лишь небольшое в общепристорическом масштабе запаздывание, обусловленное более или менее случайными или второстепенными причинами...» (с. 205—206).

Для рассмотренной выше интерпретации марксистской схемы общественного развития есть историческое оправдание. Она возникла в середине XIX в. Для концепции исторического развития, предложенной И. М. Дьяконовым, такого оправдания нет. Она была безнадежно устаревшей уже в момент своего появления на свет.

Примечания

¹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М., 1983. С. 22.

² Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988. № 2.

³ См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1966; Коростовцев М. А. Особенности рабовладельческого общества на Древнем Востоке // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Ильин Г. Ф. Единство исторического процесса // Там же; Златкин Н. Я. Общие закономерности развития в полной мере действуют в странах Востока // Там же; Крымов А. Г. Марксистское учение об общественно-экономических формациях и критика теории азиатской формации // Там же; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975; Слонимский М. М. Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970; Неронова В. Д. Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973 и др.

⁴ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980; *его же*. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Часть 3. М., 1993.

⁵ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология... Части 2 и 3. М., 1993; *его же*. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. 1993. №№ 1, 2.